

орб13
А-87

ЗАПИСКИ

ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРА

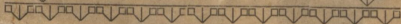
ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧЕРНОВА.

ТРУДЫ
СКОЙ
АРХИВНОЙ
ВЫП.

ОРЕНБУРГ-
УЧЕНОЙ
КОМИССИИ.
XVIII.

КАВЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ГЪ Г. ОРЕНБУРГЪ.

ОРЕНБУРГЪ.

ПАРСОВАЯ ТИПО-ЛИТ. „Т-ВО ПЕЧ. ДЪЛА КАРИМОВЪ, ХУСАИНОВЪ И К-О“

1907.

Генераль-адъютантъ Н. А. Крыжановскій.

XII.

Н. А. Крыжановскій.

(1864—1881).

Послѣ Безака новымъ генераль-губернаторомъ былъ назначенъ его племянникъ, генераль-адъютантъ Николай Андреевичъ Крыжановскій, служившій въ послѣднее время въ Варшавѣ генераль губернаторомъ и уволенный отъ должности за упрядненіемъ мѣста.

Пріѣздъ Крыжановскаго былъ весною 1865 г. съ полнымъ составомъ новыхъ, имъ самимъ избранныхъ, лицъ на выдающіяся мѣста. Оренбургскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ былъ полковникъ Бобарыкинъ, служившій у Крыжановскаго прежде адъютантомъ. Управляющимъ областью Оренбургскихъ киргизъ — полковникъ Баллюзекъ, тоже его сослуживецъ. Въ Уральскѣ былъ посланъ наказнымъ атаманомъ полковникъ Веревкинъ, выписанный сюда еще Безакомъ и исполнявшій при немъ должность чиновника особыхъ порученій. Личными адъютантами были Данауровъ и Кашкинъ (второй родной

братъ жены Бобарыкина, а первый своякъ зятя Крыжановскаго Леонтьева, тоже перешедшаго сюда на службу).

При въѣздѣ Крыжановскій показалъ строгость къ подчиненнымъ увольненіемъ личнаго адъютанта Безака, ротмистра Левшина, оставшагося въ Оренбургѣ съ надеждою получить то же мѣсто при Крыжановскомъ. Вина Левшина заключалась въ томъ, что онъ выѣхалъ верхомъ для встрѣчи своего начальника не въ полной парадной формѣ. Крыжановскій сдѣлалъ ему замѣчаніе, приказавъ убраться изъ города.

При приѣмѣ всѣхъ должностныхъ лицъ подвѣдомственныхъ генераль-губернатору учреждений Крыжановскій произнесъ рѣчь о предстоящей всѣмъ дѣятельности и требовалъ отъ чиновниковъ полного усердія къ службѣ и трудовъ на общую пользу.

Оставшихся отъ Безака чиновниковъ 8-го класса Оголина и Плачкѣвскаго попросилъ оставить службу, сказавъ, что на этихъ мѣстахъ обыкновенно служатъ лица, близко извѣстныя начальнику, и такихъ онъ имѣеть въ виду.

Вскорѣ по приѣздѣ Крыжановскаго была открыта новая Оренбургская губернія со всѣми губернскими учреждениями. Первымъ было открыто губернское правленіе, потомъ казенная палата и послѣднею судебная палата.

При открытіи губернскаго правленія было торжественное богослуженіе въ присутствіи Крыжановскаго. Послѣ молебна прочитанъ былъ высочайшій указъ объ открытіи губерніи и затѣмъ состоялся скромный завтракъ у губернатора Бобарыкина на 40 человекъ; выжили шампанскаго и актъ формальнаго открытія губерніи состоялся.

Вице-губернаторомъ назначенъ былъ надворный со-

вѣтникъ Василій Разумниковичъ Жуковскій, служившій мировымъ посредникомъ Нижегородской губерніи, гдѣ у него было имѣніе. Совѣтниками были: подполковникъ Оренбургскаго казацкаго войска Агановъ Василій Васильевичъ — бывшій дежурный штабъ офицеръ, Давыдовъ — изъ совѣтниковъ упраздненнаго башкирскаго управленія, Головковъ изъ сенатскихъ секретарей, пробывшій въ должности не болѣе двухъ лѣтъ и уѣхавшій въ С.-Петербургъ. Ассесоромъ Похвистневъ изъ петербургскихъ; по томъ онъ былъ совѣтникомъ и кончилъ свою карьеру печально: изъ-за пустой ссоры съ однимъ акцизнымъ чиновникомъ дрался на дуэли, получилъ рану, отъ которой и умеръ. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что о дуэли его всѣ знали въ городѣ, но покойный прислалъ въ губернское правленіе рапортъ о болѣзни, чѣмъ формалисты были вполне удовлетворены.

Похвистневъ говорилъ мнѣ, что былъ богатымъ помещикомъ Смоленской губерніи, почти нигдѣ не служилъ, взялъ подрядъ по постройкѣ шоссе, передалъ его другимъ за своимъ залогомъ, уѣхалъ въ Ниццу и жилъ тамъ спокойно; когда же возвратился домой, то нашелъ имѣніе конфискованнымъ, а потомъ проданнымъ.

Первымъ прокуроромъ былъ Логиновъ, онъ скоро уѣхалъ изъ Оренбурга служить въ сенатъ, гдѣ ему дали должность оберъ-секретаря; на этой должности онъ сошелъ съ ума и умеръ.

Послѣднимъ изъ губернскихъ учреждений было открыто губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Предсѣдателемъ былъ губернаторъ Бобарыкинъ, а членами — Оренбургскій уѣздный предводитель дворянства Виталій Stanisлавовчъ Цюлковскій, управляющій казенною палатою Александръ Ефимовичъ Ворошиловъ, губернский прокуроръ Логиновъ и я, какъ землевладѣлецъ-дворянинъ.

служащіе въ имперіи по военному и гражданскому вѣдомствамъ.

На этой удачно придуманной основѣ проектъ въ С.-Петербургѣ прошелъ безъ зацѣпки, такъ какъ нашлось много лицъ, сочувствовавшихъ такой мѣрѣ, между высокопоставленными чиновниками, которые потомъ и получили за безцѣнокъ лучшія земли.

Казенные участки, предназначенные въ раздачу, находились исключительно въ Оренбургской губерніи. Въ Оренбургскомъ уѣздѣ они были всѣ истощенные, пригодные только для настибищъ скота, а потому малоцѣнные (отъ 1 до 10 коп. за десятину). Поступивъ въ частную собственность, они подчинялись общему закону о платежѣ земскихъ повинностей и государственному налогу, одинаковому здѣсь для всѣхъ земель. Раздавъ ихъ, казна мало потеряла вслѣдствіе ихъ низкаго качества.

Въ Челябинскомъ уѣздѣ, при густотѣ населенія и лучшему вообще плодородію, участки были цѣннѣе, и сколько я помню, ниже 20 коп. за десятину арендной платы не существовало.

Въ Уфимской губерніи малоцѣнныхъ казенныхъ участковъ почти и не было и едва ли ихъ тамъ раздавали чиновникамъ, но ихъ замѣнили запасныя башкирскія земли, излишнія для припущенниковъ. При выдѣленіи ихъ соблюдалась особая система для возвышенія ихъ цѣнности. Припущенникамъ при надѣлѣ въ число установленной пропорціи нарѣзывали земли при мѣстѣ ихъ жительства, а въ запасъ избиралось все количество подлежащей съ волости земли и отрѣзывалось чрезполюсно одною площадью, въ составъ которой входили лѣсъ, дуга и пахатная земля. Потомъ раздѣляли на мелкія части и раздавали. Въ нѣкоторомъ удаленіи отъ жилыхъ

мѣсть запасныя земли считались малоцѣнными, но это было не вѣрно, такъ какъ переселявшіеся изъ внутренней Россіи въ Уфимскую губернію крестьяне предпочитали такую землю и платили за нее дорого. Тѣ, кому достались эти участки, воспользовались крупнымъ вознагражденіемъ, выходящимъ по разхѣрамъ изъ ряда обыкновенныхъ служебныхъ наградъ, если считать дачу земли наградой чиновникамъ за ихъ службу.

Раздача земель началась съ Оренбургскаго уѣзда, а потомъ пошла послѣдовательно, по мѣрѣ образованія свободныхъ участковъ.

Предпочтеніе однихъ чиновниковъ другимъ, болѣе бѣднымъ и семейнымъ, породило зависть и злобу; въ газетахъ появились рѣзкія статьи противъ этой мѣры искусственнаго насажденія помѣщиковъ, въ число которыхъ попадали только близко стоявшіе къ генераль губернатору. По его назначенію получили участки его сыновья, зятья и другіе родственники; затѣмъ тѣ, кто ближе были къ послѣднимъ. Получили участки изъ петербургскихъ директоры департаментовъ и чиновники сихъ учреждений, военные генералы, тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, начальники отдѣленій генераль-губернаторской канцеляріи и вообще всѣ служившіе въ ней, адъютанты генераль-губернатора, чиновники особыхъ порученій, даже не былъ забытъ мажордомъ Крыжановскаго, казачій чиновникъ Мурзиковъ, и лютеранскій органистъ Егоръ Ивановичъ Грибель. Послѣдняго признали справедливымъ сдѣлать землевладѣльцемъ съ надеждѣ, что онъ заведетъ культурное хозяйство и будетъ полезенъ другимъ; но онъ, какъ и большая часть другихъ, продержавъ участокъ нѣсколько времени, продалъ за тройную цѣну противъ той, какую самъ заплатилъ.

Крыжановскій, раздавая земли другимъ, не забылъ

и себя. Такъ какъ было неудобно генераль-губернатору брать землю на льготныхъ условіяхъ, то устроили такъ, что Крыжановскаго, Кауфмана (Туркестанскаго) и Непокойчицкаго пожаловали землею за ихъ особыя заслуги по 6 т. десятиинъ каждому. Крыжановскій взялъ себѣ самую лучшую въ краѣ корабельную рошу на судоходной рѣкѣ Камѣ, стоимостью отъ 300 до 500 т. руб. Тамъ онъ выстроилъ на казенныя деньги дачу и два лѣта жилъ въ ней, а для докладовъ чиновники ѣздили къ нему изъ Оренбурга

Дѣло раздачи земель Крыжановскій, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, установилъ нижеслѣдующимъ образомъ. Въмѣсто одного общаго представленія, каковое въ силу изданнаго о семъ закона должно исходить отъ генераль-губернатора, послѣдній будетъ представлять только на одну треть предназначенныхъ участковъ, а на остальные двѣ трети министръ государственныхъ имуществъ назначить изъ лицъ, служащихъ внѣ края, не входя въ предварительное соглашеніе съ Крыжановскимъ. Такое соглашеніе имѣло мѣсто до послѣдовавшаго высочайшаго повелѣнія пріостановить раздачу земель на льготныхъ правахъ.

Бывшіе военные принужденники, лишась своихъ угодій, которыми они владѣли со времени поселенія, и вида отдачу земель чиновникамъ, сильно ожесточились и всѣми способами мстили послѣднимъ, поджигая заведенные ими хутора, носѣянный и собранный съ полей хлѣбъ, всюду приносили жалобы на лишеніе ихъ необходимыхъ земель.

Для собранія вѣрныхъ на мѣстѣ свѣдѣній былъ командированъ въ 1879 г. изъ министерства внутреннихъ дѣлъ дѣйст. ст. сов. Слгниковъ, служившій прежде въ канцеляріи Оренбургскаго генераль-губернатора. О резуль-

татахъ этой командировки я хорошо не знаю, но розданныя на льготныхъ условіяхъ земли остались во владѣніи тѣхъ, кому были даны, и въ большинствѣ впослѣдствіи проданы крестьянамъ за высшую цѣну.

Раздача земель на льготныхъ условіяхъ недостаточно была соображена съ общимъ экономическимъ положеніемъ. На доходъ отъ 300 и 800 дес. невозможно было вести жизнь интеллигенту съ семействомъ *). Получивъ такой даръ, онъ не останется на самой землѣ, не устроитъ себѣ и потомству своему гнѣзда, а непременно силою обстоятельствъ переѣдетъ въ городъ искать службы и доходныхъ занятій; земля въ лучшемъ случаѣ останется придаткомъ къ его содержанію, но вѣрнѣе будетъ продана, — что и случилось. Поэтому для такой проблеммы не слѣдовало бы отбирать земли у поселянъ принужденниковъ, которые въ Уфимской губерніи, получивъ надѣлы въ размѣрѣ крестьянскаго положенія 1861 г., прямо были обобраны въ пользу совершенно постороннихъ лицъ.

Принужденники селились въ Башкиріи и платили за земли деньги, причемъ переносили много обидъ отъ владѣльцевъ башкиръ, которые при каждомъ удобномъ случаѣ обирали ихъ. При раздачѣ участковъ принужденники лишились всего.

Мысль о раздачѣ земельныхъ участковъ чиновникамъ возникла не по инициативѣ Крыжановскаго. Мѣра эта за нѣсколько лѣтъ была примѣняема въ Западной Сибири, съ тою разницею, что тамъ казенныя земли, раздѣленные на мелкіе участки, продавались чиновникамъ съ торговъ, но и тамъ эта мѣра не принесла ожидаемой пользы.

Генераль Безакъ по примѣру Сибири, предполагалъ

*) Вѣроятно авторъ имѣетъ въ виду прежнюю дешевизну земли и аренды.

Прим. С. Н. Севастьянова.

допустить продажу казенныхъ оброчныхъ участковъ въ Оренбургской губерніи, но не успѣлъ осуществить эту мѣру, а оставилъ приведеніе ея въ исполненіе своему преемнику Крыжановскому. Послѣдній къ ходатайству объ этомъ какъ-бы вынуждался общимъ направленіемъ нашей прессы, трубившей, что казенная земля, заключающаяся въ оброчныхъ участкахъ, мало приноситъ дохода. Для возвышенія послѣдняго и вообще въ интересахъ хозяйственныхъ будетъ полезно продать такія земли частнымъ лицамъ, которыя будутъ платить земельный налогъ, а полученные деньги пойдутъ на усиленіе государственныхъ ресурсовъ.

Къ тому же въ Оренбургской губерніи была раздача земель небольшими участками для заведенія хуторовъ *),

*) Въ дѣлахъ войскового архива Оренб. каз. в. (Опись дѣлъ Войскового архива 1790—1800 г. № 120 за 1799 годъ. «Объ истребованіи свѣдѣній отъ поручика Авдѣева (Никиты) на заведеніе хутора и земель подъ онымъ») есть указанія, что еще при Неплюевѣ какъ для регулярныхъ, такъ и для казачьихъ чиновъ, по ихъ просьбамъ отводились земли для хуторовъ въ вѣчное владѣніе. Въ виду важнаго значенія этого указанія для исторіи Оренб. края приводимъ выдержки изъ указа Оренбургской губернской канцеляріи отъ 10 іюля 1757 года: «по сиравкѣ въ губ. канц. оказалось: 7 и 22 іюля 1746 года поданными прошеніями сотникъ Алексѣй Петровичъ Авдѣевъ (который нынѣ умеръ), хорунжій Алексѣй Мих. Могутовъ, дворянинъ, и казакъ Михайлъ Іевлевъ объявили, что они по указу Ея Императорскаго Величества на фундаментальное поселеніе переведены въ Оренбургъ, имѣютъ дома и удобные хутора за Сакмарою рѣкою, за покосами Пензенскаго полку по ту сторону Тулунова Ерика, на низъ отъ дачъ атамана Шилова и ротмистра Пастухова, и просили отвести тутъ землю. 26 го іюля данъ указъ находящемуся при геодезическихъ дѣлахъ прапорщику геодезіи Ар—ну сѣздить и отвести просимыя земли. Сотнику Авдѣеву—яко старшему 50, а прочимъ по 25

которые и теперь существуют. Караваевская дача образовалась изъ нѣсколькихъ такихъ участковъ *). Имѣлось въ виду создать побольше такихъ хуторовъ и землю получали тѣ изъ чиновниковъ, которые имѣли желаніе заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Тѣ участки, которые раздавались подъ хутора, нарѣзывались съ лучшими угодьями: съ хорошою проточною водою, лѣсомъ, лугами и пахотною землею.

*) Караваевская дача теперь составляетъ собственность города, который купилъ ее за сравнительно небольшую цѣну. Находится она къ сѣверу отъ города въ 7 верстахъ.

Прим. И. С. Шукшинева.

десятинь изъ тѣхъ мѣстъ, изъ коихъ отведены атаману Шилову и ротмистру Пастухову. 13 марта 1743 года, по опредѣленію тайнаго совѣтника Неплюева, обще съ генераль-маіоромъ и Сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ донесено, что нѣкоторые штабъ и оберъ офицеры, въ здѣшнихъ мѣстахъ служащіе, просятъ изъ порожнихъ мѣстъ отвести земель для поселенія деревень и къ содержанию своему въ службѣ Ея Императорскаго Величества дачи, что штатскіе чины просили, а такъ какъ свободныхъ земель съ обѣихъ сторонъ, т. е. внутри Оренбургской и Сибирской линіи, довольно и *давать, съ взятіемъ пошлинъ по указамъ не токмо не противно, но и полезно, ибо черезъ такія дачи пустыя мѣста заселятся и служащіе люди свое удовольствіе возмимютъ*, то и прошено у Правительствующаго Сената на то рассмотрѣнія и опредѣленія, на каковое по указу Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената 8 августа 1743 года, между прочимъ, въ 8 пунктѣ велѣно: „отводить въ дачное владѣніе, но съ крайнимъ осмотрѣніемъ по пропорціи. Буде же явится, что для казны надобныя земли раздадутся, то тѣ люди, кто на поселеніе оныхъ контъ свой употребить, напрасной убытокъ безъ всегдашней заилаты понести будутъ принуждены». Согласно сего указа Прав. Сената мѣста были отведены атаману Шилову и ротмистру Пастухову (кои по отставкѣ отсель выбыли)

Заведенная Крыжановскимъ раздача участковъ потерпѣла крушеніе, можетъ быть, болѣе и потому, что въ сферу дѣйствія были включены и запасныя башкирскія земли.

Въ послѣднюю свою поѣздку въ Петербургъ, вызванную болѣе безпорядками въ распродажѣ башкирами своихъ

и переданы сотникамъ Михайлу Харитонову, Ивану Дьякову и Алексѣю Углецкому, коимъ изъ Оренбургской губернской канцеляріи 12 янв. 1749 года и владѣнный указъ данъ со взятіемъ четвертыхъ пошлинь. Челобитчикамъ Могутову съ товарищи по ихъ службѣ и доброму состоянію, яко первымъ къ произвожденію поселянь охотникамъ, а паче, что они себя къ здѣшнему поселенію показываютъ радѣтельными, означеннаго прошенія и для здѣшняго мѣста столь сходнаго и потребнаго намѣренія отказать не разсуждается, дабы и другіе, а паче ихъ братья-казаки, переведенные сюда, видя учиненное имъ удовольствіе, къ такому же потребному дѣлу возымѣли охоту... Токмо сіе чтобы навсе, въ чертежѣ отказанное, имѣ, Левлеву съ товарищи, отдать, яко тутъ занята скряжность не малая, къ тому жъ они, и въ Самарѣ живучи, хуторы свои имѣли, да и въ писцовомъ Наказѣ 193 (1685 г.), 194 (1686 г.) г., изданномъ въ указныя статьи, давать по 63 пункту положено: боярамъ по 1000 четвертей, окольнічимъ по 800, стряпчимъ 400, казначею по 600, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ по 300, генералъ-полковникамъ и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ по чинамъ; а по 48 ст. того же писцоваго Наказа помѣщикамъ и вотчинникамъ въ дикихъ поляхъ подѣ усадьбы по 100 четв. по 5 десятинь, на сѣнокосные покосы по 25 десятинь, да въ лѣсу лѣсныхъ угодій, а если лѣса нѣтъ, по 20 десятинь, а всего по 50 десятинь». Въ виду указанныхъ законоположеній Оренб. Губерн. канцелярія указомъ 10 іюля 1757 г. за № 3659 за подписью Неплюева выдала владѣнный указъ на отводъ въ вѣчное владѣніе сотнику Алексѣю Мих. Могутову, хорунжему Мих. Алексѣевичу Авдѣеву и казаку Мих. Иван. Левлеву показанную выше сего землю.

Прям. С. Н. Севастьянова.

земель. Крыжановскій отправился одинъ и увидѣлъ полное неблаговоленіе къ себѣ со стороны высшихъ лицъ. Къ наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу ѣздилъ онъ два или три раза и не былъ приглашенъ ни на одинъ обѣдъ или вечеръ; съ воцареніемъ его въ Петербургъ вызывались всѣ генераль-губернаторы, за исключеніемъ Крыжановскаго. Положеніе послѣдняго было настолько тяжело, что онъ самъ просилъ поручить сенатору Ковалевскому, бывшему на ревизіи въ Казанской губерніи, обревизовать находившіяся подъ его управленіемъ губерніи. Слѣдствіемъ этой ревизіи было закрытіе Оренбургскаго генераль-губернаторства 12 іюля 1881 года.

Впослѣдствіи я имѣлъ случай говорить съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ и спросилъ его о причинѣ гоненія на Крыжановскаго, когда раздача участковъ была допущена съ высочайшаго соизволенія и съ такового же разрѣшенія раздавались участки тѣмъ, кому были назначены. Тимашевъ сказалъ, что ходатайствомъ о такой мѣрѣ Крыжановскій обманулъ Императора Александра II, а изъ служившихъ въ Оренбургѣ никто не донесъ объ обманѣ. Поэтому-то проектъ и прошелъ такъ гладко.

Во время генераль-губернаторства Крыжановскаго совершился второй хивинскій походъ въ 1873 г. Въ составъ дѣйствующаго отряда войска выступали изъ четырехъ пунктовъ. Изъ Туркестанскаго военнаго округа прямо на Хиву черезъ Голодную стѣнь; изъ Кавказскаго округа одинъ отрядъ изъ Баку черезъ Красноводскъ, другой изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія; съ Оренбургской линіи изъ городовъ Орска, Уральска и Оренбурга три эшелона. Послѣдніе, соединившись въ одномъ пунктѣ, поступили подъ начальство наказнаго атамана Уральскаго войска генерала Веревкина.

Оренбургскій отрядъ состоялъ изъ двухъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, 4-хъ сотенъ Оренбургскихъ и 2-хъ сотенъ Уральскихъ казаковъ, одной конно-артиллерійской батареи Оренбургскаго войска и нѣсколькихъ орудій пѣшей крѣпостной артиллеріи. Войска направилась къ Аральскому морю, дошли благополучно и взяли Хиву до прибытія Ташкентцевъ и Кавказцевъ.

Генераль-адъютантъ Кауфманъ, главнокомандующій всѣми войсками, встрѣтилъ неимовѣрныя трудности при переходѣ по холмамъ Голодной степи; главную бѣду составлялъ недостатокъ воды, которую привозили летучіе отряды казаковъ изъ колодцевъ, лежавшихъ далеко въ сторонѣ отъ намѣченнаго пути. Едва не погибши, отрядъ достигъ наконецъ Аму-Дарьи, гдѣ его встрѣтилъ хивинскій ханъ. На вопросъ Кауфмана, почему хивинцы не выслали войска для защиты себя, ханъ отвѣтилъ, что русскихъ ждали съ другой стороны, гдѣ и было собрано хивинское войско, а по тому пути, по которому пришелъ отрядъ, не ожидали, потому что дорога эта непроходима и носитъ названіе «смерть человѣку», и что только одинъ дуракъ, добавилъ ханъ, могъ дать совѣтъ идти этою дорогою военному отряду. Дуракъ этотъ былъ тутъ-же, въ свитѣ Кауфмана: полковникъ генеральнаго штаба баронъ Аманъ. Объ этомъ мнѣ говорили наши казачьи офицеры, бывшіе въ отрядѣ Кауфмана.

Туркестанскія войска, со включеніемъ оренбургскаго отряда, церемоніальнымъ маршемъ вошли въ Хиву. Кауфманъ не велѣлъ Веревкину открывать военныхъ дѣйствій и на вопросъ, по чему онъ не исполнилъ приказанія и взялъ городъ до прибытія его, Веревкинъ отвѣтилъ, что Хива была взята до полученія приказа главнокомандующаго. Потомъ Кауфманъ соединенными силами всѣхъ трехъ отрядовъ одержалъ рѣшительную и славную побѣду надъ

туркменами. Туркмены по приглашенію хивинцевъ въ огромныхъ силахъ собрались въ окрестностяхъ Хивы. Кауфманъ, узнавъ объ этомъ, повелъ войска противъ нихъ. Ночью, когда русскіе расположились спать, туркмены съ разныхъ сторонъ напали на нихъ. Положеніе было критическое: русскій отрядъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ довольно широкаго и глубокаго арыка, черезъ который вели два ветхихъ мостика, не могъ быстро соединиться. Туркмены въ разныхъ пунктахъ прорвались въ интервалахъ отряда и смѣшались съ нашими. Въ темнотѣ и незнакомой мѣстности произошла страшная рѣзня, однакожь русскіе взяли верхъ. На другой день казаки преслѣдовали и уничтожали мелкіе отряды туркменъ, которые послѣ этой побѣды изъявили покорность.

Третій отрядъ изъ Красноводска вышелъ подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Наркозова въ составѣ пѣхоты, артиллеріи и казаковъ, и направился прямо на Хиву. Отряду этому предстоялъ самый короткій путь, но идти пришлось безводною степью, по мало обследованной мѣстности. Жгучіе жары, отсутствіе воды доводили до изнеможенія солдатъ, которые падали на ходу. Для одушевленія ихъ полковникъ Наркозовъ надѣвалъ на себя ранецъ и шель съ ружьемъ, какъ простой солдатъ; но и это не помогало, явилась полная деморализація: нижніе чины отказывались отъ повиновенія офицерамъ и возвращались назадъ. Наркозовъ возвратился въ Красноводскъ, не достигнувъ своего назначенія, а какъ послѣ оказалось, колодцы Игды съ водою были въ двухъ дняхъ пути отъ отряда; дойдя до нихъ послѣдній, — и онъ ранѣе другихъ пришелъ бы къ Хивѣ.

Въ отрядѣ Наркозова находился флигель-адъютантъ поручикъ Милютинъ (сынъ военнаго министра). По возвращеніи отряда въ Красноводскъ, онъ на почтовыхъ лоша-

дахъ и кружнымъ путемъ доѣхалъ до отряда Кауфмана и участвовалъ въ бою съ туркмезами.

Съ высочайшаго соизволенія въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, былъ великій князь Николай Константиновичъ и принцъ Евгенийъ Максимилиановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій. Первый былъ съ Уральскими казаками, а второй съ Оренбургскими. По возвращеніи въ Оренбургъ, великій князь былъ зачисленъ въ Оренбургское казачье войско, гдѣ и состоялъ до самой кончины, послѣдовавшей въ августѣ 1901 года.

Въ этомъ походѣ также интересна другая его сторона — сформированіе отряда. Главная сила послѣдняго основывалась на транспортированіи военныхъ принадлежностей и обоза въ степи по пескамъ съ малымъ количествомъ воды, а иногда совершенно безводнымъ. Единственное животное, вполне пригодное къ этому и надежное, верблюдъ. Стада ихъ находились болѣе у киргизъ Оренбургскаго вѣдомства, а потому наемъ всего нужнаго количества ихъ возложенъ былъ на Крыжановскаго. Онъ вызывался для этого въ Петербургъ и тамъ рѣшено было отдать поставку верблюдовъ кунцамъ, которые должны были отъ себя нанимать или покупать животныхъ у киргизъ за плату по соглашенію. Торги производились въ присутствіи Крыжановскаго; болѣе, сильные по капиталу Оренбургскіе кунцы участвовали на торгахъ и выпросили извѣстныя цѣны. Дѣло пошло въ Петербургъ, откуда нужно было ожидать рѣшенія.

Купецъ Михаилъ Ефимовичъ Мякинковъ, тоже бывшій на торгахъ, уѣхалъ изъ города на свой хуторъ, а оттуда скрытно отъ другихъ удралъ въ Петербургъ, гдѣ при содѣйствіи Крыжановскаго и исхлопоталъ отдачу поставки съ платою отъ 3 до 5 р. въ сутки за каждаго верблюда, сколько бы ихъ не потребовалось. По приѣздѣ въ Оренбургъ Мякинковъ объявилъ, что поставка утвержде-

на за нимъ. Товарищи его удивились, разинули рты, но дѣлать было не чего; впрочемъ, какъ говорилъ онъ мнѣ, по сотнѣ и по двѣ верблюдовъ онъ удѣлялъ товарищамъ, а львиную долю оставилъ себѣ и нажилъ громаднѣйшій капиталъ. Выгода дѣла заключалась въ томъ, что, получая требованіе на извѣстное количество верблюдовъ, онъ поставлялъ меньше и не всегда исправно, а получалъ за все, дѣлясь барышами съ чиновниками интендантскаго вѣдомства; изъ нихъ одинъ былъ подъ судомъ, но оправдался.

Дѣломъ Мякинъкова въ юридическомъ отношеніи орудовалъ чиновникъ генераль-губернаторской канцеляріи Остроумовъ, которому Мякинъковъ обѣщалъ устроить въ Оренбургѣ агентство для торговыхъ цѣлей съ залогомъ отъ себя. Обѣщаніе было исполнено, агентство открыто и существовало нѣсколько времени. Изъ получаемыхъ доходовъ Мякинъковъ ему ничего не далъ, а назначилъ какое то жалованье. Впослѣдствіи Остроумовъ сошелъ съ ума.

Сестра Мякинъкова была замужемъ за казачьимъ подполковникомъ Калугинымъ. Скопивъ въ продолженіе своей службы при строгой экономической жизни до 15 т. руб. асс., Калугинъ далъ эти деньги для оборотовъ семьѣ Мякинъковыхъ, дѣла которыхъ немного пошатнулись, а потомъ желая самъ съ семьєю устроиться въ Оренбургѣ и купить домъ, требовалъ возврата денегъ. Мякинъковъ не давалъ, говоря, что ему деньги не нужны, проживетъ и безъ нихъ, а кунцу безъ капюта, что рыбѣ безъ воды, смерть! Калугинъ обругалъ его и плюнулъ въ бороду, а тотъ говоритъ: „ничего, оботремъ; плевка твоего никто не увидитъ, а когда денегъ не будетъ, узнаютъ всѣ, и почетъ конченъ.“ Послѣ, надо полагать, Мякинъковъ считался съ женою умершаго Калугина, такъ какъ у нея оказался порядочный домъ.

Русскіе въ 1848 г. заняли устье р. Сырь-Дары, гдѣ построили Раимское укрѣпленіе. Для сообщенія съ нимъ въ глубинѣ стени въ видѣ этаповъ были основаны два укрѣпленія—Оренбургское на р. Тургаѣ и Уральское на р. Иргизѣ. Въ 1853 г. русскіе заняли Акъ-Мечеть. Транспорты въ эти мѣстности посылались подъ военнымъ прикрытіемъ, а точту возили наемные киргизы. Отправляясь для инспектированія воинскихъ частей, начальствующія лица присоединялись къ транспортамъ и ѣхали болѣе верхомъ, а не въ экипажахъ, такъ какъ у киргизъ не было обязанныхъ для упряжи лошадей. Генералъ Катенчѣвъ, осматривавшій укрѣпленія, весь путь совершилъ верхомъ. Возвратившись въ Оренбургъ, онъ испросилъ разрѣшеніе учредить правильное почтовое сообщеніе въ экипажахъ наймомъ для этого киргизъ и подчиненіе станцій казачьимъ урядникамъ. На этомъ основаніи въ 1858 г. было открыто почтовое сообщеніе, которое мало достигало цѣли по недостатку лошадей вслѣдствіе неисправности киргизъ. Недостатокъ правильнаго сообщенія особенно сдѣлался ощутительнымъ съ учрежденіемъ Туркестанскаго генераль-губернаторства. Кауфманъ находилъ болѣе скорымъ сообщеніе кружнымъ путемъ черезъ Сибирскую линію, гдѣ содержателемъ почтовыхъ станцій и всего тракта былъ купецъ Кузнецовъ, принявшій на свою отвѣтственность исправное содержаніе тракта.

Генералъ Крыжановскій пожелалъ устроить подобный же трактъ отъ Орска до Казалинска. Условіями содержанія тракта были: удобные зимніе и лѣтніе экипажи, исправная упряжь, обязженія лошади, исправное содержаніе станцій, а главное—русскіе ямщики. Состоялись торги, на которыхъ торговавшіеся взяли по нѣскольکو станцій въ одніѣ руки и заявили, что они желали бы еще разъ состязаться рѣшительно. Крыжановскій объа-

вилъ, что разрѣшеніе этого дѣла не беретъ на себя, а представить все торговое производство на утверженіе министра внутреннихъ дѣлъ; на глазахъ заинтересованныхъ лицъ онъ подписалъ бумагу, запечаталъ и передалъ торговавшимся для сдачи на почту. Купцы потирали руки и въ умѣ подсчитывали барыши, но къ общему удивленію отъ министра внутреннихъ дѣлъ получилась бумага утвердить содержаніе всего тракта за Мякинъковымъ за громадную цѣну, что то по 500 р. за пару въ годъ.

Мякинъковъ заказалъ въ Оренбургѣ экипажи, купилъ сбрую и отправилъ съ нанятыми ямщиками, преимущественно татарами. На слѣдующій же годъ отъ проѣзжавшихъ стали поступать во множествѣ жалобы, что станціи содержатся дурно, ямщики не понимаютъ русской рѣчи и большею частью киргизы, лошади худы, возять плохо или отчаянно носятъ, будучи взяты изъ киргизскихъ необѣзженныхъ. Оказалось, что Мякинъковъ вичего не исполнилъ изъ поставленныхъ условій, а только получалъ за содержаніе Орско-Казалинскаго тракта до 50 т. руб. въ годъ. Послѣ оказалось, что Мякинъкову трактъ былъ сданъ при содѣйствіи Крыжановскаго.

Въ числѣ особенностей въ управленіе генерала Крыжановскаго можно упомянуть о ничеслѣдующей.

Существовалъ законъ, по которому командированные въ киргизскую степь чиновники получали на подъемъ полугодовое жалованье. Законъ былъ изданъ тогда, когда командировки въ степь русскихъ чиновниковъ были рѣдки и вызывались какими-либо важными причинами. Бѣхать въ степь, гдѣ у киргизъ не было даже печенаго хлѣба, сопрягалось съ большими расходами, такъ какъ надобно было на все время поѣздки везти съ собою сѣбѣстные припасы и, кромѣ экипажа для себя, имѣть арбу или телѣгу для багажа. Не всегда можно было на-

нять лошадей, сколько нибудь приученных къ колеснымъ экипажамъ, приходилось замѣнять ихъ для себя верховымъ конемъ, а для багажа брать верблюда. За послѣднее время все измѣнилось и на поѣздку въ степь смотрѣли, какъ на средство получить порядочный кушъ денегъ за исполненіе нетруднаго дѣла. Когда же были возведены мелкія степныя укрѣпленія, то каждый отдѣльный чиновникъ находилъ нужнымъ обзрѣть подчиненную ему часть въ новомъ мѣстѣ. Съ этою цѣлью ѣздилъ туда предварительно самъ командующій войсками Крыжановскій, потомъ постепенно начальникъ корпуснаго штаба, его помощникъ, окружной интендантъ, начальникъ артиллеріи и окружной врачебный инспекторъ. Всѣ эти лица были въ генеральскихъ чинахъ, получали полугодовое жалованье и прогоны по чину. Въ одну изъ поѣздокъ Крыжановскій взялъ деньги по чину генераль-лейтенанта, но возвратившись узналъ, что онъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи и потребовалъ добавочныхъ по этому чину. Контрольная палата, ревизуя книги, остановилась на этомъ расходѣ, считая его неправильнымъ и находя, что не всѣ выше перечисленные лица исполняли прямую свою обязанность, а потому должны получать только прогоны. Въ этомъ смыслѣ состоялось разъясненіе закона. Генераль Крыжановскій съ другой стороны обошелъ новый законъ, представивъ министру, что ему нужно подробно и во всѣхъ частяхъ осмотрѣть киргизскую степь, причемъ по исчисленію на это требовалось до 30 т. руб. На этотъ расходъ потребовалось высочайшее соизволеніе.

Въ управленіе Крыжановскаго произошло сильное волненіе между Уральскими казаками изъ-за новаго положенія, которымъ отмѣнялась древняя ихъ привилегія исполнять службу охотниками наемщиками, а требовалось

каждому лично выходить на службу *) и вводилась новая форма обмундирования, которая старикам раскольникам казалась печатью антихриста. За упорство принять новое положение было сослано, как я полагаю, до 3 т. казаковъ въ Туркестанъ, нѣсколько сотенъ сослано въ Сибирь и переселено въ станицы Оренбургскаго войска; послѣдніе были потомъ возвращены.

На мѣсто сосланныхъ, въ пополненіе количества служащихъ казаковъ, принимались въ Уральское войско крестьяне, чего прежде не было, такъ что уральцы едва ли справедливо гордятся тѣмъ, что весь составъ ихъ войска — коренные казаки.

При введеніи у киргизъ въ 1868 — 69 г. новаго положенія, недостаточно разъясненнаго и растолкованнаго народу, произошло возстаніе, охватившее всю степь. Для усмиренія были посланы отряды изъ казаковъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ былъ ввѣренъ чиновнику особыхъ порученій маіору Байкову, брату извѣстнаго афериста, составлявшаго различныя акціонерныя компаніи, которыя быстро лопались.

Байковъ съ своимъ отрядомъ въ киргизскихъ аулахъ производилъ разнаго рода насилія. Слухъ объ этомъ дошелъ до Крыжановскаго и для повѣрки его на мѣстѣ посланъ былъ казачій полковникъ Карпъ Ильичъ Новокрещеновъ, лично извѣстный Крыжановскому и сопровождавшій его при поѣздкахъ по степи, какъ начальникъ конвоя.

Новокрещеновъ пріѣхалъ въ стоянку Байкова, нашелъ тамъ пьянство и всякое безобразіе. Байковъ не только не принялъ Новокрещенова, какъ старшаго, но

*) Т. е. общая обязательная воинская повинность.

Прим. С. Н. Севастьянова.

приказалъ казакамъ раскидать кибитку, въ которой остановился Новокрещеновъ, выбросить его вещи и не исполнять никакихъ его приказаній. Все было въ точности исполнено есауломъ Суровымъ.

По возвращеніи Новокрещеновъ подать обо всемъ подробный рапортъ, но Крыжановскому не хотѣлось оглашать этого дѣла на судъ и онъ просилъ Новокрещенова написать полегче рапортъ. Новокрещеновъ отвѣчалъ, что за ложное донесеніе онъ самъ будетъ сильно отвѣчать, а поступки Байкова сами собою огласятся.

Байковъ былъ судимъ и сосланъ въ Сибирь, но черезъ нѣсколько лѣтъ даровано ему прощеніе, и онъ, кажется, снова поступилъ на службу.

При Крыжановскомъ въ 1876 г. проведена желѣзная дорога изъ Самары въ Оренбургъ и начато дѣло о постройкѣ въ Оренбургѣ Казанскаго кафедральнаго собора. Хотя постройка была начата въ 1886 г. послѣ упраздненія генераль-губернаторства, но мысль о ней принадлежитъ Крыжановскому. Освященъ соборъ въ 1896 г.

К О Н Е Ц Ъ .

